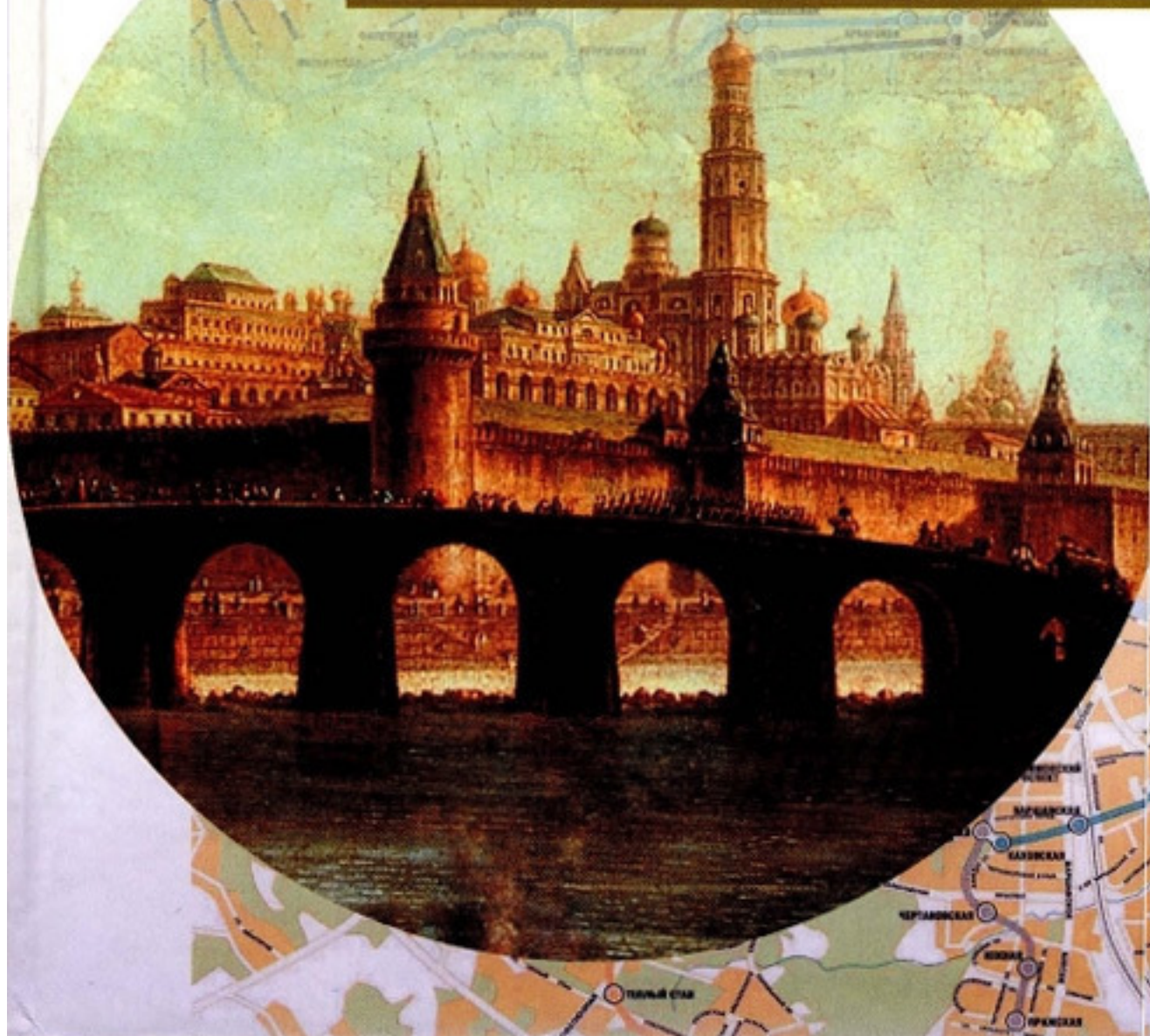

Владимир Муравьев

МОСКОВСКИЙ
ПУТЕВОДИТЕЛЬ

ТАЙНЫ и ПРЕДАНИЯ старой МОСКВЫ

Московский путеводитель

Владимир Муравьев

Тайны и предания старой Москвы

«Алисторус»

2007

УДК 94(031)
ББК 63.3(2-2Москва)я2

Муравьев В. Б.

Тайны и предания старой Москвы / В. Б. Муравьев —
«Алисторус», 2007 — (Московский путеводитель)

Читая новую книгу известного москвоведа, председателя комиссии «Старая Москва» Владимира Муравьева, вы совершите увлекательное историческое путешествие по улицам и площадям старой Москвы, которую вы не знаете. Написанная живым языком она вводит читателя в старинный мир московских тайн, легенд и преданий, без которых невозможно представить многовековую историю нашей вечно молодой столицы. Книга предназначена для старших школьников, студентов, преподавателей и всех, интересующихся историей и культурой Москвы.

УДК 94(031)
ББК 63.3(2-2Москва)я2

© Муравьев В. Б., 2007
© Алисторус, 2007

Содержание

Сказание о начале Москвы, кое правее всех иных сказаний об этом	5
Еже бо обретох, то и написах	5
Сказание, кое правее всех сказаний	11
Правда сказки о троеглавом звере и треугольном граде	14
Яузские ворота и их окрестности	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Владимир Муравьев

Тайны и предания старой Москвы

Сказание о начале Москвы, кое правее всех иных сказаний об этом

Еже бо обретох, то и написах

У Москвы много тайн.

И с первыми двумя мы встречаемся на первой же странице ее истории.

Одна тайна: когда, кем и как была основана Москва.

Другая: что значит само слово «Москва».

Пока на эти вопросы нет ответов, которые убедили бы и удовлетворили всех. Существуют разные мнения, высказываются разные гипотезы.

Эти вопросы начали особенно интересоваться москвичей и иностранцев в XVI–XVII веках, когда Москва уже стала столицей государства, большим городом, известным во всем мире.

Уже тогда все понимали, что Москва – город древний. Но ни русские, ни иноземные историки не располагали никакими документальными сведениями о времени и обстоятельствах ее основания, даже название «Москва» отсутствовало в известных им русских летописях и иностранных хрониках.

«И кто про то знал, что Москве царством быти, что Москве государством слыти?» – так оправдывала молчание наших старинных летописцев и западноевропейских хронистов московская пословица XVII века. Но все равно и в России, и в Западной Европе ученые и просто любители старины продолжали искать ответ на заданный Москвой вопрос.

В конце XVII – начале XVIII века были, наконец, обнаружены в русских летописях две записи, относящиеся к Москве.

В Ипатьевской летописи, названной так потому, что она хранилась в библиотеке Ипатьевского монастыря, записан рассказ о встрече суздальского князя Юрия Владимировича Долгорукого со своим союзником новгород-северским князем Святославом Ольговичем после удачного набега Юрия на Новгородские волости, а Святослава – на Смоленские. Князь Юрий Долгорукий послал к Святославу гонца с приглашением: «Приди ко мне, брате, в Москов». При встрече князья «любезно целовастася» и «быша весели». Князь Юрий «...повеле устроить обед силен» и дал Святославу «дары многы с любовью». Произошла эта встреча, как свидетельствует летопись, в 1147 году на праздник Похвалы Богородицы, то есть 4 апреля.

В другой летописи, составленной в Твери и поэтому называемой историками Тверской, среди событий 1156 года сообщается о том, что «князь великий Юрий Володимерич (в то время Долгорукий уже стал великим князем Киевским. – В. М.) заложи град Москву на уст ниже Неглинны выше реки Аузы», то есть там, где находится современный Кремль.

Оба летописных сообщения о Москве говорят о событиях середины XII века, отделенных одно от другого всего десятью годами.

Этими двумя летописными сообщениями и до настоящего времени исчерпываются документальные сведения о начале Москвы.

Однако наряду с летописными (документальными сведениями) среди москвичей в XVII веке ходили устные предания о далеких временах и основании Москвы. Они передавались из

поколения в поколение в течение веков, и, как это всегда бывает при устной передаче, что-то в них переиначивалось, что-то добавлялось, а что-то забывалось. Предание, особенно древнее, имеет ту особенность, что исторически достоверным в нем остается только главное событие, которое легло в его основу, а обстоятельства, подробности, даже имена действующих лиц преобразуются народной фантазией очень вольно.

Н. М. Карамзин в примечаниях к «Истории государства Российского» приводит несколько преданий об основании Москвы, называя их «сказками», при этом он делает оговорку, что они, «вероятно... основаны на древнем истинном предании».

Почти все предания об основании Москвы, известные москвичам XVII века, в связи с интересом общества к этой теме тогда же были записаны в виде связных повествований. В записи они назывались повестями или сказаниями о начале Москвы и пользовались большим успехом у московских грамотеев. Поэтому они дошли до нас в довольно значительном количестве списков.

Эти повести отличаются друг от друга сюжетами, основателями Москвы в них выступают разные князья, и даты основания города отличаются одна от другой порой очень значительно. По ним видно, что в XVII веке на равных правах существовало несколько разных версий основания Москвы.

Записи повестей о начале Москвы в полной мере обладают всеми особенностями и недостатками устных преданий.

Иван Егорович Забелин, выдающийся историк XIX – начала XX века, автор фундаментального труда «История города Москвы», включил в него специальную главу «Сказания о начале Москвы», посвященную их разбору. Он полагает, что в них включены «ходившие в народе предания и несомненные остатки уже забытых песенных былин». Но в целом Забелин оценивает их очень строго и пишет, что эти, с одной стороны, «неученые и, так сказать, деревенские гадания по смутным преданиям или же, с другой стороны, ученые измышления по источникам старой книжности не могут ответить на вопрос, “когда и как исперва произошло начало Москвы”».

Не так категоричен Н. М. Карамзин. В списке источников, которыми он пользовался при написании «Истории государства Российского», он называет среди прочих «сказки, песни, пословицы: источник скудный, однако ж не совсем бесполезный».

Академик М. Н. Тихомиров также не игнорировал «Повести о начале Москвы» и в своей книге «Древняя Москва» (1947) использует их как исторический источник, хотя и требующий критического отношения.

Повести о начале, или зачале, Москвы делятся на две большие группы. Одну из них составляют предания, рассказывающие об основании Москвы Юрием Долгоруким, в другой группе преданий основателями Москвы выступают князья Даниил и Андрей.

Повести «О зачале царствующего великого града Москвы», в которых говорится о князе Юрии Долгоруком, основаны на достоверном историческом, подтвержденном и летописью, факте постройки городка-крепости на Москве-реке при устье реки Неглинной. Но в повестях в отличие от летописного сообщения факт основания города обрастает сюжетными подробностями.

В лето 6666-е от Сотворения мира, – рассказывается в повести о Долгоруком, – князь Юрий Владимирович ехал из Киева во Владимир к своему сыну князю Андрею Юрьевичу и наехал на те места, где ныне стоит царствующий град Москва.

А теми местами владел некий богатый и славный боярин Степан Иванович прозванием Кучка. Свой двор он поставил на холме между трех рек – Москвы-реки, Неглинной и Яузы, а вокруг поселил селами своих людей.

Когда приехал Юрий Долгорукий, то Кучка не оказал ему почтения, какое положено великому князю, и даже стал поносить его, грозить и выставил против княжеской дружины своих слуг.

Юрий Долгорукий осердился, приказал воинам схватить Кучку и привести к нему.

Вокруг двора Кучки не было ни стен каменных, ни острога деревянного. Недолго бились Кучка и его слуги против княжеской дружины; слуг побили, самого боярина и его детей пленили.

Боярина Кучку за его бесчинное ругательство Юрий Долгорукий повелел предать смерти, а малолетних детей – двух сыновей и дочь отослал во Владимир к своему сыну.

Сам же великий князь Юрий Долгорукий взошел на высокий берег Москвы-реки, оглядел все вокруг. Эти места ему очень понравились, и он повелел на этом холме поставить крепость – город мал, древян. Назвал же князь его Москва-град, по имени реки, текущей под ним.

А поскольку новый град Москва стоял на земле Владимирского княжества, то Юрий Долгорукий заповедал князю владимирскому своему сыну Андрею основанный город людьми населять и посадами распространять.

Такова повесть об основании Москвы князем Юрием Долгоруким.

В XVIII веке историк В.Н. Татищев нашел рукопись «Повести о зачале Москвы», в которой рассказано по-иному об этом событии. В ней говорится, что у Кучки была жена-красавица. Она приглянулась князю Юрию, он сделал ее своею «полюбовницей» – это и послужило истинной причиной ссоры Кучки с Юрием, а потом и казни боярина.

Молодой Карамзин, тогда еще не историк, а сентиментальный поэт и автор трогательной повести «Бедная Лиза», по поводу татищевского варианта «Повести о зачале Москвы» заметил: «Любовь, которая разрушила Трою, построила нашу столицу» и предложил художникам написать на эту тему сентиментальную картину. «Мне хотелось бы представить начало Москвы ландшафтом – луг, реку, приятное зрелище строения... Князь Юрий, который движением руки показывает, что тут будет великий город. Молодые вельможи занимаются ловлей зверей... Но вдали, среди крестов кладбища, художник может изобразить человека в глубоких, печальных размышлениях... Мы угадали бы, кто он, вспомнили бы трагический конец любовного романа, – и тень меланхолии не испортила бы действия картины».

Вторую группу сказаний об основании Москвы составляют сказания, в которых действующими лицами являются князья суздальский Даниил Александрович и владимирский Андрей Александрович. В большинстве списков они имеют название «Сказание об убиении Даниила суздальского и о начале Москвы», и к ним можно полностью отнести характеристику Забелина: «гадание по смутному преданию».

Князь Даниил Александрович, сын Александра Невского – герой этого «Сказания», не имеет ничего общего, кроме имени, со своим историческим прототипом. Исторический Даниил, живший во второй половине XIII века, был князем не суздальским, а московским, и не был убит, а умер своей смертью. Исторический князь Андрей, по прозвищу Боголюбский, жил в XII веке, на сто лет раньше Даниила, и это он был убит боярами-заговорщиками. В «Сказании» использованы также некоторые мотивы предания о Юрии Долгоруком, в частности линия боярина Кучки. Все эти исторические сведения, весьма смутно известные рассказчику, преобразовались в фантастическую, но занимательную историю, относящуюся скорее к жанру уголовного романа, находившую своих заинтересованных читателей и, так же как и Сказание о Юрии Долгоруком, довольно много раз переписывавшуюся.

Сюжет «Сказания об убиении Даниила суздальского и о начале Москвы» более сложен и разработан подробнее, чем сюжет о Юрии Долгоруком.

Князь суздальский, сын князя Александра Невского, Даниил забрал к своему двору сыновей боярина Кучки вопреки желанию их отца. (В этом «Сказании», в отличие от Сказания о Юрии Долгоруком, сыновья Кучки представлены не малолетними детьми, а юношами).

Кучковичи приглянулись жене Даниила княгине Улите и стали ее любовниками. Княгиня и Кучковичи замыслили известить князя, чтобы он им не мешал, и в конце концов убили его. Узнав об убийстве Даниила, его брат князь владимирский Андрей Александрович собрал войско и пошел на Суздаль. Суздальцы выдали ему княгиню, и он ее казнил. А Кучковичи убежали и спрятались у отца на Москве-реке. Андрей Александрович пришел к Степану Кучке, захватил боярина, его сыновей и тоже казнил их.

А затем, написано в «Сказании», «вложи Бог в сердце князю Андрею мысль... ту граду быть», что он и исполнил, основав Москву.

С точки зрения исторической достоверности это «Сказание» состоит из одних ошибок. Но некоторые его бытовые детали, например описание сел и двора боярина Кучки, несомненно, имеют под собой реальную основу.

Особую группу легенд об основании Москвы представляют собой сочинения духовных авторов – ученых книжников-схоластов, «измышления по источникам старой книжности», как эти легенды называет И. Е. Забелин. Эти авторы основу для построения своих гипотез брали из книг Священного писания и из старинных сочинений, по-своему переосмысливая, развивая и дополняя древние тексты.

Самым известным сочинением «ученой книжности» об основании Москвы является сочинение иеродиакона Тимофея Каменевича-Рвовского «Историческое древнее описание... о начале Славенороссийского народа и градов Москвы, Новаграда Великого и прочих, писанное ево (то есть автора. – В. М.) рукою лета мироздания 7207 (1699)».

Рассказ о Москве Каменевич строит на сочинениях польских хронистов и ученого-историка ректора Киевской академии монаха Иннокентия Гизеля, которые, встраивая Россию и Москву в библейскую схему происхождения народов от потомков Ноя, называют прародителем народа, живущего по Москве-реке, внука Ноя – Мосоха. Поскольку эта гипотеза основана на созвучии названия столицы России и имени библейского персонажа, Каменевич развил ее, придумав соответствующие задаче имена для жены и детей Мосоха.

«Прииде же Мосох Иафетович, шестой сын Иафетов, – пишет Каменевич, – государь наш и князь первый, в страну Скифскую великую и Землю нашу сию, так предъименуемую, на места селения сего Московского, на ней же земле мы ныне жительствуем». (Каменевич по рождению был москвич).

Мосох с родом своим поселился на высоком берегу «над двема реками». Реки были безымянные. Большую реку Мосох назвал сочетанием своего имени и имени своей жены Кы – Москва-река, а меньшую, впадающую в большую, – по имени сына Я и дочери Вузы – Явуза.

«И созда же тогда Мосох князь и градец себе малый над предвысоцей горе той, над устьем Явузы реки, – продолжает рассказ Каменевич, – на месте оном первоприбытном своем именно Московском, идеже и днесь стоит на горе оной церковь каменная святого и великаго мученика Никиты, бесов мучителя и от верных челоуков тех прогонителя».

Очевидную и примитивную фантазию о библейском Мосохе как основателе Москвы, к тому же «обогащенную» вымышленными автором якобы библейскими персонажами – его женой Кы и детьми Я и Вузой, даже современники Каменевича-Рвовского не принимали всерьез. В одном из летописных списков XVII века летописец, переписав рассказ о Мосохе Иафетовиче, сделал такое примечание: «нестъ сие полезно и не правдиво».

Но, не принимая всерьез историю про Мосоха, все пишущие о московской топонимике обязательно пересказывают ее, поэтому из всех объяснений происхождения названия Москвы, она самая известная. Популярности этой легенды способствовала не только неожиданная оригинальность сюжета, но также и то, что тщеславию москвичей явно льстило указание на древность их города. По легенде о Мосохе Москва является древнейшим городом мира: Всемирный потоп, по расчетам богословов, произошел в 3213 году до нашей эры, значит, Москве, основанной лет через пятьдесят после потопа, примерно 5160 лет.

В летописном сообщении об основании Москвы Юрием Долгоруким не объясняется происхождение и значение самого слова «Москва». Никого не убеждала и версия Каменевича о сложении имен Мосоха и жены его Кы. С XVIII века начались попытки ученых – историков и филологов разгадать происхождение и смысл слова «Москва». Выдающийся ученый-энциклопедист, автор «Истории Российской с самых древнейших времен» В. Н. Татищев (1686–1750) полагал, что название «Москва» было дано народом, населявшим эти места до славян. Тогда существовала гипотеза, что этим народом были ираноязычные племена сарматов, поэтому Татищев считал его сарматским: «Имя Москва есть сарматское, значит «крутящаяся» или «искривленная», от того, что течением весьма излучины делает, да и внутрь Москвы их не скудно». Академик Петербургской академии наук Г.-З. Байер («не зная русского языка», замечает И. Е. Забелин) утверждал, что название Москва значит «мужской монастырь» и происходит от слова «music», то есть «мужик».

Известный русский поэт и драматург второй половины XVIII века А. П. Сумароков предложил свое объяснение названия города и реки. Поскольку местность здесь, полагал он, изобиловала реками, речками и ручьями, то жители понастроили через них множество мостков, отчего главная река и город получили название «Мостква», а потом, для удобства произношения, стали говорить: «Москва».

В XIX–XX веках было выдвинуто более двух десятков гипотез происхождения названия «Москва». Они разделяются на две группы: одна группа исследователей привлекает для объяснения языка неславянского населения этих мест, другая является сторонниками славянского происхождения названия.

Поскольку дославянским населением здесь были угрофинские племена, то на основе их языков предлагались различные варианты перевода: «темная вода», «медвежья мать», «река с притоком», «коровья река», «щавелевая река», «быстрая» и другие.

Наиболее обоснованной сейчас считается версия, по которой в основе названия лежит славянский корень «моск», выражающий понятие «влага, сырость». В настоящее время этот корень сохранился со своим значением в словосочетании «промозглая погода».

Аналогичные по корню и значению названия рек имеются на территориях, где живут или когда-то жили славяне: Московка (приток реки Березины), Московец (на Украине), Мозгава, Москава (в Польше и Германии). Корень «москы», заключающий в себе понятие «влага», по мнению лингвистов, относится к древнейшей эпохе истории славянства.

К сочинениям «книжной учености» историки относят также фрагмент летописи, который переписчики XVII века иногда присоединяли к текстам повестей о начале Москвы, предваряя его своим примечанием: «Ин (то есть иной. – В. М.) летописец повествует». В этом фрагменте из неизвестного «инога» летописного свода говорится о том, что основателем Москвы был киевский князь Олег, прозванный Вещим.

«Лета 6388 (880 г.), – сообщает этот летописец, – Олыг прииде на Москву-реку, в я же текут Неглинна да Яуза, и постави ту град, и нарече Москва, и посади ту князя, сродника своего, и ины многи грады постави во странах Российских».

Историки дружно отвергли это летописное сообщение об основании Москвы, назвав его позднейшей вставкой в подлинную летопись, в которой сказано лишь о том, что Олег нача города ставити», но ничего не говорится о Москве. То есть переписчик дополнил летопись фразой о Москве, как Каменевич Библию именами Кы, Я и Вузы.

Однако романтический образ Вещего Олега, несмотря на критику историков, вызвал интерес у неискушенных любителей истории, императрица Екатерина II в 1786 году дочинила для представления на Театре в Эрмитаже историческую пьесу «Начальное управление Олега», жанр которой она определила как «подражание Шекспиру», и включила в нее сцену основания Москвы Олегом. Так появилось еще одно предание «книжной учености» об основании Москвы.

Центральным эпизодом сочинения Екатерины II является сцена торжественной закладки города. Вот как представляла эту церемонию императрица.

«Жрецы с огнем и с первым камнем для закладывания Москвы, Олег, Добрынин, Рулав, Стемид, Лидул, Радмир, вельможи, народное множество.

Жрецы первый камень для закладывания Москвы приносят к Олегу.

Первый жрец (*Олегу*). Чтоб камень сей класть во основание града, потребно теперь знать, как, князь Олег, велишь назвать сей град?

Олег. Да именуется сей град Москва; для устройства же определяю в нем начальником свойственника моего Радмира.

Второй жрец. По всем приметам сей град будет некогда обширен и знаменит.

Олег. Хорошо. В добрый час приступим к начальному созиданию.

(Камень жрецы кладут и заделывают во основание; орел летит чрез них).

Первый жрец. Орел летит чрез град сей не понапрасну».

Последнее замечание жреца связано с известным у многих народов поверьем, что орел предрекает победу и славу.

Тогда же пьеса Екатерины II «Начальное управление Олега» была издана отдельной книжкой и снабжена гравюрой, на которой было изображено то, что описала императрица: и закладной камень, и жрецы, и орел...

Как можно отметить, общей чертой сочинений «книжной мудрости» и про библейского Мосоха, и про Олега Вещего является то, что они относят основание Москвы к более раннему времени, чем княжение Юрия Долгорукого. К этому же выводу склоняются и серьезные историки. Так, И. Е. Забелин считает, что, хотя подлинность летописного свидетельства об основании Москвы Вещим Олегом вызывает сомнения, сама возможность этого факта не может быть полностью исключена.

Забелин называет эту позднейшую вставку в летопись не вымыслом, а *скромным домыслием*, которое «присвоило основание города Москвы древнему Олегу, несомненно, руководясь летописным свидетельством, что Олег, устроившись в Киеве, *нача города ставити* и устави дани Словеном, Кривичем и Мери. Если Олег уставлял дани Мерянам и города соорудил, то в области Мери (Ростов, Суздаль) он должен был из Киева проходить мимо Москвы, и очень немудрено, что мог на таком выгодном для селитьбы месте выстроить небольшой городок, если такой городок не существовал еще и до времен Олега». В более поздней своей работе «Посад» Забелин сказал о древности поселения «Москва» еще конкретнее: «существовал поселок от глубокой древности, первый поселок Москва».

Сказание, кое правее всех сказаний

В ряду сказаний о начале Москвы особняком стоит Сказание о зачатии царствующего града Москвы и о Крутицкой епархии».

В отличие от всех остальных сказаний, опирающихся хотя и на недостоверные и смутные, но все-таки реалистические события, оно включает в себя сказочный, или, вернее сказать, мифологический эпизод. Именно к этому «Сказанию» Н. М. Карамзин употребил определение «сказка».

Это «Сказание» вышло из стен Крутицкого монастыря и было создано с практической целью доказать право иерархов и монахов Крутицкой епархии обитать в нем.

Сарайская, впоследствии Крутицкая, епархия была учреждена в XIII–XIV веке в столице Золотой Орды Сарае для того, чтобы христиане – пленники и вольные люди (купцы и ремесленники), оказавшись в Орде, могли исповедовать свою религию. В XIV веке к ведению Сарайской епархии были присоединены земли по Дону, она стала называться Саранской и Подонской. В Москве епархия получила землю на Крутицах – на крутом берегу Москвы-реки (отчего и дано название местности) и устроила там монастырь-подворье. В XV веке после падения татарского ига постоянным местом пребывания Сарского (так произносили на Руси слово «Сарайский») и Подонского епископа стал не Сарай, а московские Крутицы. Сарской и Подонской епархии определили новую территорию вокруг Крутиц, и она стала называться Крутицкой. В память же прежнего наименования епархии речки, впадающие в Москву-реку возле Крутиц, получили названия Сара и Подон. (Ныне текут в подземных трубах).

Во второй половине XVII века патриарх Никон предпринял попытку расформировать Крутицкую епархию и выселить Крутицкого владыку из его подворья.

Против этого и было направлено «Сказание о зачатии царствующего града Москвы и о Крутицкой епархии». Реформе Никона оно противопоставило древнее право епископа на владение Крутицами, поскольку древность признавалась тогдашней юрисдикцией достаточным доказательством такого права.

Поэтому понятно, почему составитель «Сказания» обратился к самому древнему, даже не историческому, а мифологическому, сказочному преданию об основании Москвы. Конечно, предание подверглось необходимой обработке в духе времени и требований поставленной задачи.

Сказание о зачатии Москвы и Крутицкой епархии состоит из трех частей. Сюжет об основании Москвы составляет лишь среднюю часть «Сказания». В его первой части содержатся сведения о главном персонаже «Сказания» – великом князе – основателе Москвы. Его имя – Данило Иванович, он добродетельный христианин, строитель церквей. Третья, заключительная, часть «Сказания» посвящена собственно Крутицам, в ней говорится о том, что князь Данило Иванович даровал область Крутицкую епископу Сарскому и Подонскому Варлааму.

Первая часть «Сказания» по форме представляет собой летописное сообщение.

«В лето 6714 (1206 г. – В. М.) князь великий Данило Иванович после Рюрика короля римского 14 лето пришед из Великого Новгорода в Суздаль, и в Суздале родися ему сын князь Георгий, и нарече и созда во имя его град Юрьев-Польской, и в том граде церковь велелепную созда во имя святого Георгия Страстотерпца каменную...»

То, что это не летопись, а имитация летописной статьи, показывают содержащиеся в ней исторические ошибки. Во-первых, ее датировка. Первая дата – 1206 год – тут же дублируется описательной – «после Рюрика... 14 лето», это 893 год. Между ними более трех веков. Третью дату позволяет назвать факт, хорошо известный в истории, – основание города Юрьева-Польского, это 1152 год. Но его основал князь Юрий Долгорукий, а не «великий князь Данило

Иванович». А главное, русская история не знает великого князя по имени Данило Иванович, такого князя не было.

Судя по дальнейшему рассказу, в третьей части «Сказания» под Даниилом Ивановичем имеется в виду московский князь Даниил Александрович, поскольку именно он в начале XIV века даровал Крутицы под подворье Саровских епископов. Но это произошло не одновременно с постройкой Юрием Долгоруким города Москвы на Боровицком холме, а на полтора столетия позже.

Все эти ошибки были известны современникам. На одном из списков этого «Сказания» переписчик написал: «Просит писавый читателя о прощении, еже бо обретох то и написах, а мнится, что в летах и во именех князей надобно справиться поподлиннее».

Средняя часть «Сказания» по своему стилю очень отличается от обрамляющих ее начальной и заключающей сухих информационных летописных статей, какими по форме они являются. Ее с полным правом можно назвать художественным, даже беллетристическим произведением. В ней есть пейзаж, диалог, в ней появляется фантастический персонаж – неведомый «превеликий и пречудный троеглавый» зверь, явление которого оказывается пророчеством и указанием, где следует князю Даниле Ивановичу создавать свой престольный град.

По стилю и содержанию это обычная волшебная сказка, за которую и принимали историки «Сказание о Крутицкой епархии». И с ними можно было бы согласиться, если бы не странное и таинственное примечание, которое сделал на ней переписчик XVII века.

В московском Историческом музее хранится большая рукописная книга конца XVII века «Хронограф Дорофея Монеувасийского» – сборник различных исторических сочинений. В Хронографе, как бы образуя специальный раздел, переписаны четыре сказания об основании Москвы. В него вошли повести о князе Юрии Долгоруком и боярине Кучке, о князе Данииле Александровиче и убийстве его Кучковичами, о Даниле Ивановиче и Крутицкой епархии, а также приведена цитата «инога» летописца об основании Москвы князем Олегом.

В Древней Руси переписчик светских книг обычно выступал не простым копиистом, но подходил к работе творчески. Как правило, это был человек образованный, начитанный. Он выбирал для переписки произведение, которое считал ценным и нужным, переписывая, вникал в текст по-редакторски, то есть глубже, чем читатель, и становился знатоком произведения и того, чему оно посвящено, когда же он имел перед собой несколько списков этого произведения, то становился и текстологом.

Составитель Хронографа, включивший в него сказания о начале Москвы, в которых представлены образцы сказаний всех существующих сюжетных вариантов, безусловно, должен был очень хорошо и глубоко знать эту тему, поэтому его примечание к сказанию о Даниле Ивановиче имеет особую ценность и привлекает особое внимание.

Составитель и переписчик сборника сказаний о начале Москвы сократил его название, опустив всякое упоминание в нем о Крутицкой епархии и назвав его «Сказание о создании царствующего града Москвы», тем самым обратив внимание читателя на тему создания города как на главную, затем после измененного названия поставил запятую и продолжил предложение своей оценкой и указанием: *«кое правее (то есть правдивее. – В. М.) всех сказаний известно, чти сие»*.

Сплошные исторические несообразности, волшебная сказка! – и вдруг – правдивее всех сказаний.

Однако эта приписка, что понятно и сегодняшнему читателю, а уж тем более тогдашнему, не просто совет прочесть «Сказание», но явное указание на содержащийся в сем скрытый смысл, не сразу понятный, но по размышлении доступный. Видимо, тут намек на какую-то ходившую в народе молву, или, как говорят в наше время, на всем известные обстоятельства, официально замалчиваемые.

Но что это за обстоятельства?

Молва и предания, занимавшие внимание современников составителя Хронографа, то есть людей XVII века, естественно, были крепко забыты новыми поколениями, и поэтому ученым XIX века сказание о Даниле Ивановиче и стало представляться лишь собранием исторических несообразностей и фрагментом нехитрой сказки.

Однако в середине XX века в работе академика М. Н. Тихомирова «Древняя Москва», изданной к юбилею 800-летия Москвы и потому обратившей на себя внимание не только ученых, но и всех интересующихся историей столицы, были даны особым приложением все сказания о начале Москвы из «Хронографа Дорофея Монеувасийского». После этой публикации пророчествующий о будущем Москвы трехглавый фантастический зверь обрел такую же известность и популярность, как легенда о Мосохе и его жене по имени Ква.

Однако поскольку историки объяснили, что великого князя по имени Данило Иванович не существовало, а основателем Москвы был признан князь Юрий Долгорукий, в ознаменование чего в 1947 году напротив Моссовета был заложен и в 1954 году установлен ему памятник, то в некоторых популярных работах и беллетристических сочинениях встречу с чудесным зверем стали приписывать Юрию Долгорукому.

Тем не менее всегда существовало и существует сейчас и в научных кругах, и в народе какая-то неискоренимая уверенность в том, что город Москва был основан ранее того, как Юрий Долгорукий построил крепость на Боровицком холме.

Так думали создатели легенды о «прародителе» москвитян Мосохе, в этом был уверен Каменев-Рвовский, так полагал летописец, сделавший в летопись вставку об основании Москвы Олегом, это утверждали ученые-историки, в том числе высочайший авторитет в области истории Москвы И. Е. Забелин и выдающийся, очень осторожный в своих выводах историк академик М. Н. Тихомиров. А современный главный московский археолог А. Г. Векслер, когда ему задают вопрос, сколько лет Москве, таинственно улыбаясь, отвечает: «Много...».

В связи с юбилейным 1997 годом, когда отмечали 850-летие Москвы (ведя отсчет от первого упоминания ее летописи), особенно настойчиво задавались вопросы «когда она основана?» и «сколько ей лет?».

Историки на эти прямые вопросы прямого ответа не давали.

Эти же вопросы задавались нашим астрологам. В Академии астрологии корреспонденту «Вечерней Москвы» ответили: «Момент основания Москвы неизвестен». Аналогичным был и ответ президента Лиги независимых астрологов Каринэ Диланян: «Мы не знаем точного дня рождения Москвы».

Космобиолог А. Херсонов-Удачин уточнил известную в Тверской летописи дату заложения града Москвы Юрием Долгоруким – 1156 год 23 марта.

Известный астролог Павел Глоба, произведя ретроанализ биографии Москвы и составив ее гороскоп, называет датой основания столицы России – 15 мая 793 года до н. э. Другой выдающийся московский астролог Ф. Величко публикует дату «условного рождения» Москвы, то есть когда Москва стала выражать свою суть как столичного города России, – 13 мая 1413 года в 11 часов 30 минут местного времени.

Правда сказки о троеглавом звере и треугольном граде

Опираясь на выводы лингвистов о славянской природе названия «Москва» (сейчас основной научной гипотезы) и полагая, что его мог дать реке только народ, живущий в этой местности и говорящий на славянском языке, естественно отнести появление этого названия к эпохе появления здесь славянского племени вятичей.

Наиболее ранние археологические находки следов пребывания на московской земле вятичей датируются VIII–IX веками. Но в «Повести временных лет» Нестор относит появление славян в Средней России к более раннему времени, он пишет, что уже апостол Андрей в I веке н. э., совершив путь от Киева до Новгорода, сказал: «Дивно видех Словенскую землю». Картина расселения славянских племен в то время или близкое к нему, по Нестору, выглядела так: на Днепре – поляне, в Новгороде – словене, в верховьях Волги, Двины, Днепра – кривичи, по Сожу – радимичи, по Оке – вятичи. «И живяху в мире, – заключает Нестор, – поляне и древляне, и север, и радимичи, вятичи и хрвате».

В конце 1990-х годов проблема основания Москвы для своего исследования обрела еще один источник – «Влесову книгу». Влес, Волос – имя древнеславянского божества – покровителя домашнего скота и достатка в славяно-русской мифологии. В «Слове о полку Игореве» Боян называется «Велесов внуче», в документе, о котором идет речь, написано «Влес книга».

«Влесова книга» – сочинение о древнейшей истории и религии славян, написанное новгородским волхвом в IX веке, – шла к читателю и исследователю долгим и трудным путем.

В 1919 году полковник белой армии Ф. А. Изенбек вывез за границу найденные им в разоренной помещичьей усадьбе в Харьковской губернии около трех десятков дощечек из крепкого дерева размером 38 x 22 см толщиной 0,5 см, на которых с обеих сторон был вырезан древними буквами (рунами) сплошной, не разделенный на слова текст.

В 1930-е годы Изенбек показал эти дощечки литератору Ю. П. Миролюбову, и тот в течение нескольких лет расшифровывал и копировал их.

Оказалось, что это повествование о древней истории и религии славянства, доведенное до IX века, причем из рассказа о последних событиях можно сделать вывод, что автор повествования их современник, и, таким образом, создание этого сочинения датируется IX веком.

В августе 1941 года Изенбек умер в оккупированном немцами Брюсселе, его архив, в том числе и дощечки, забрало гестапо.

В 1950-е годы Миролюбов публикует часть текстов дощечек по тем копиям, которые он снял. Затем к исследованию дощечек присоединяются еще два русских эмигранта – ученый-биолог, занимавшийся также и историей Руси, С. Я. Парамонов, давший им название «Влесова книга» по содержащимся в тексте словам: «Влес-книгу сию посвящаем Богу нашему», и литератор генерал А. Куренков.

В СССР «Влесова книга» стала известна в 1970-е годы и вызвала большой интерес. Сразу же завязалась горячая полемика. Одни исследователи приняли «Влесову книгу» с восторгом, поскольку она давала им в руки сведения, которые отсутствовали в известных до сих пор источниках, другие отнеслись к ней скептически и видели в ней подделку. В настоящее время число уверенных в подлинности «Влесовой книги» превышает число скептиков, причем первые находят все новые подтверждения своей правоты, а вторые предъявляют один и тот же набор аргументов.

В тексте «Влесовой книги» (в русских изданиях имя бога Влеса обычно пишется в его русском полногласном звучании – Велес), как и в каждом древнем историческом сочинении, наверняка наряду с историческими фактами имеются и исторические легенды, но тем не менее, она, безусловно, является ценным источником.

Материалы «Влесовой книги», представляющие собой несколько фотографий дощечек, перерисовки, копии, расшифровки, варианты перевода, находящиеся в разных архивах, ввиду сложности текста и языка еще не изучены полностью, и поэтому каждое новое издание книги пополняется новыми фрагментами текста, вариантами перевода и комментариями.

Так, в конце 1990-х годов крупнейший знаток, исследователь и комментатор «Влесовой книги» А. И. Асов в очередном своем издании памятника опубликовал новый фрагмент, в котором говорится об основании города *Москов*.

Дощечка «Влесовой книги» с этим фрагментом, к сожалению, была сильно повреждена, однако смысл сообщаемого текста вполне понятен.

Вождь славянских племен, обитавших на Дунае, Моск, в конце VI века, когда «некие рода потекли на Север, и были это суть вятичи и радимичи», встал во главе их. Как написано во «Влесовой книге», они «стечеа до Моуске, градиехом Москв», то есть «сошлись к Моску и построили город Москов».

Сообщение «Влесовой книги», присоединенное ко всем остальным известным текстам и сведениям об основании Москвы, по-новому осветило эту проблему и объяснило некоторые неясности в известных источниках.

Содержащиеся во «Влесовой книге» мифологические легенды о древнейшем периоде истории предков славян, дополненные сведениями из других источников, приводим в нашем пересказе.

Давным-давно, много тысяч лет назад, люди жили на Белом море – на побережье и на островах Белом, Великом, Золотом, Фульском и других. Вместе с людьми жили в том краю и их боги.

Тогда на Белом море было тепло, каждое утро выходили на небесные пастбища Золотые Солнечные Быки, море никогда не замерзало, земля была плодородная, реки многоводные. Люди жили богато и счастливо, растили хлеб, водили скот и молились своим богам, которые были к ним добры.

Но однажды к Белому морю прискакал из Царства Смерти на черном крылатом коне Черный всадник – Черный Змей. Он дунул на море, заморозил его, похитил и угнал по льду с Золотого острова Золотых Солнечных Быков.

Наступили на Белом море великие холода. Стали короткими светлые дни, стали длинными темные ночи. Вымерзли сады и нивы, покрылись снегом пастбища, погибал от бескормицы скот, на людей напали болезни.

И тогда боги и вожди родов и племен, чтобы спасти народ, повели его с Беломорья на юг, в иные, в теплые края. Это был тяжелый путь через холодные пустыни. Ослабевших людей догоняла стужа и превращала их в лед и камень. До сих пор на том древнем пути рассыпаны камни-валуны. Это наши пращуры, оставшиеся там навсегда...

Наконец люди дошли до таких земель, которые были хотя и не столь теплы, как некогда Беломорье, но и не так холодны, поскольку была здесь не только зима, было и лето. Раскинулись эти земли широко-широко, от одного океана до другого. (Сейчас этот огромный материк называется Евразией).

Роды и племена, вышедшие из Беломорья, разошлись по Евразии и кочевали по ее просторам с запада на восток, с востока на запад, с севера на юг и с юга на север в поисках той земли, которая была предназначена богами каждому племени и которая должна была стать родиной их потомков.

Прошла не одна тысяча лет, прежде чем каждое племя нашло свою землю. За это время племена разошлись на огромные расстояния и, живя друг от друга вдалеке, образовали разные народы. У каждого народа сложились свои обычаи, по-своему стали они говорить, и даже внешний облик их изменился.

Однако ученые нашего времени, изучая языки и древнюю мифологию современных евразийских народов, обнаружили в них общие слова, общие сюжеты мифов, что позволило установить общие корни всех этих народов. Эти народы сейчас живут на территории от Европы до Индии, и языки их относятся к группе индоевропейских.

Языковеды составили генеалогическое древо индоевропейских языков. В него входят: германские языки – немецкий, английский, шведский, норвежский, датский, исландский; италийские (называющиеся также романскими) – итальянский, французский, испанский, румынский; кельтские – ирландский, шотландский, бретонский; славянские – сербский, польский, чешский, болгарский, русский, украинский, белорусский; индоиранские – таджикский, персидский, индийские языки; греческий, армянский и другие.

На границе I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э. в общем уже сложились основные области обитания народов Европы, но постоянно происходили переделы территорий, народы враждовали между собой.

Славянские племена в тот период обитали в Центральной, Южной и Восточной Европе по рекам Одеру, Висле, Дунаю, Днепру. Их соседями были германские племена, Византия, народы Балканского полуострова. Славянам приходилось защищать свои земли от притязаний соседей.

Немецкий философ и историк XVIII века Иоганн Гердер в сочинении «Идеи к философии истории человечества», в котором он описывает роль разных народов в мировой истории, посвятил одну главу славянским народам.

Гердер пишет о том, что славяне занимали обширную территорию «от Дона до Эльбы, от Восточного до Адриатического моря» и что некоторые нынешние немецкие территории прежде имели славянское население.

Гердер описывает характер и занятия славян. Несмотря на то что славяне в войнах часто побеждали римлян, германцев, византийцев, они, – пишет ученый, – «никогда не были народом воинственным... Торговцы, земледельцы и пастухи, они обрабатывали землю и пользовались ею; тем самым после всех опустошений, что предшествовали их поселению, после всех походов и нашествий их спокойное, бесшумное существование было благодатным для земель, на которых они селились. Они любили земледелие, любили разводить скот и выращивать хлеб, знали многие домашние ремесла... Они занимались добычей руды, умели плавить металл, изливать его в формы, они варили соль, изготавливали полотно, варили мед, сажали плодовые деревья и, как того требовал их характер, вели веселую музыкальную жизнь. Они были милосердны, гостеприимны до расточительства, любили сельскую свободу, но были послушны и покорны, враги разбоя и грабежей».

Далее Гердер пишет об исторической судьбе славян: «Все это не помогло им защититься от порабощения, а, напротив, способствовало их порабощению. Ибо коль скоро они не стремились к господству над целым светом, не имели воинственных наследственных государей и готовы были лучше платить налог, только чтобы землю их оставили в покое, то многие народы, а больше всего немцы, совершили в отношении их великий грех» (М.: Наука, 1977. С. 470–471).

В первой половине I тысячелетия н. э. славянские племена на Дунае вынуждены были вести постоянные войны с соседями и приходившими в Европу кочевниками. Славяне воевали с византийскими императорами, германскими племенами готов, с гуннами, аварами, хаза-рами и другими. Порой славяне одерживали победы и осаждали Царьград, выигрывали битвы с готами, порой терпели поражения, попадали под власть захватчиков. Летопись сохранила известия об обрах, которые «примучили» племя славян-дулебов, «творили насилие женам дулебским: если пойдет куда обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу три, четыре или пять жен и везти его, обрина». В конце концов славянам удавалось

отбиться от захватчиков, вернуть пленных, но при том они несли большие потери и никогда не знали мирной жизни, к которой были склонны по характеру.

С начала I тысячелетия н. э. некоторые наиболее теснимые славянские роды и племена радимичей и вятичей стали уходить на северо-восток в малонаселенные области – на Чудское озеро, реку Волхов, на Верхнюю Волгу, на Оку.

В 597 году византийцы предприняли очередной грабительский поход на соседей-славян. Войско византийского императора Маврикия под предводительством полководца Приска перешло Дунай, по которому проходила граница Византии со славянами, и вторглось в славянские земли. В бою с византийцами погиб славянский князь Радогост.

В то время, когда брат погибшего князь Моск и его воины творили тризну по погибшему Радогосту и, упившись вином, заснули, на них, сонных, напали византийцы и устроили побоище. Славяне не смогли сопротивляться. Многие были убиты, а те, кому удалось вырваться из окружения врагов, бежали, отступая. Византийцы ограбили окрестные селения, набрали пленников и с большой добычей двинулись обратно.

Князь Моск собрал своих оставшихся воинов, к нему присоединились воины других славянских родов, они догнали византийцев и в жестокой битве сполна отплатили им за причиненное зло. Но горька была победа. И говорили некоторые: «Враги обязательно придут вновь и поднимут свои мечи на нас, и той войне не будет конца».

Тогда Моск, после гибели брата оставшийся единым вождем, собрал старейшин племен, и думали они, что делать. И решили вятичи и радимичи последовать за ушедшими прежде в мирные края.

Сказали люди князю Моску:

– Будь руководителем нам и заботься о нас.

И тронулись вятичи в путь.

Об этом рассказано во «Влесовой книге». Имя славного вождя Моска упоминается в сочинениях византийских авторов, современников этих событий. Византийский историк VI–VII века Феофилакт Симокатта называет его Моусокием и сообщает, что его «варвары на своем языке называют царем». Арабский географ и историк Масуди (конец IX – начало X века) пишет о вожде волинян, объединившем племена славян, по имени Маджак, или Мадзак, в котором также можно узнать имя «Моск».

Если о событиях, предшествовавших переселению вятичей на новые земли, во «Влесовой книге» сказано обстоятельно, то о самом переходе до той реки, на которой они остановились и поставили город, никаких сведений нет.

Безусловно, их путь должен был растянуться на многие месяцы и даже годы, поскольку племена шли, не имея в виду какого-то конкретного места, они останавливались в пути на достаточно долгое время, присматриваясь и изучая местность, чтобы выяснить, годна ли она для поселения. Зная исходный и конечный пункт Движения, мы можем определить лишь их возможный и примерный путь на северо-восток через средний Днепр, где уже стоял славянский город Киев, по Десне на Оку. По Оке в районе Рязани уже жили вятичи. К среднему течению Москвы-реки Моск подошел с запада.

Из сказаний о начале Москвы только в одном, в том самом, «кое правее всех сказаний», описана часть маршрута князя – основателя Москвы, правда, ближайшая к тому месту, где он заложил город. Определяемые по тексту «Сказания» топографические пункты позволяют определить и направление движения.

Начинается описание пути с того, что князь Данило Иванович «въехав во остров темен и непроходим зело».

Остров – «лес или участок леса, обособленный по своему ландшафтному положению, выделяющийся среди основного массива (высотой, породой деревьев и т. п.)». Словарь русских народных говоров. – Л., 1989. Вып. 24. – С. 81). Прилагательное «темный» обычно характери-

зует хвойный лес. Хвойный лес, состоящий из могучих деревьев, каким и был тот, в который въехал князь, называется бором.

Память о московском боре сохранилась в современной топонимике: Боровицкий, или Кремлевский, холм.

Этот бор назван первым этапом пути князя по московской земле.

Затем в «Сказании» говорится о болоте: «В нем же (острове) болото велико и топко».

К востоку от Боровицкого лесного холма начинается низина – обширная болотистая местность Кулишки. Значит, князь двигался по левому берегу реки на восток.

Здесь, на Кулишках, простершихся от Варварской площади до Яузы между Москвой-рекой и нынешней улицей Соляной, разыгрывается центральный эпизод «Сказания»: предсказание будущей судьбы того города, который замыслил построить князь. В одном из списков этого «Сказания» в самом его названии подчеркнуто, что в нем главный смысл повествования. Сказание названо: «Краткое видение... о зачатии и создании преславного града Москвы».

«И посреде того болота и острова узре, – говорится в «Сказании», – князь великий Данило Иванович зверя превелика и пречюдна троеглава и красна (красивого. – В. М.) зело. И вопросиша Василия гречанина, что есть видение сего пречюдного зверя?

И сказа ему Василий гречанин:

– Великий княже, на сем месте созиждется град превелик и распространится царствие треугольное, и в нем умножатся разных различных орд люди, то есть преобразуют зверя сего троеглавого. Различные же на нем цветы, то есть от всех стран учнут в нем люди жити».

Эпизод с явлением зверя во всех известных рукописях «Сказания» излагается одинаково, почти слово в слово, что также говорит об особом внимании переписчиков именно к этой части текста.

Весьма необычной и загадочной предстает в этом «Сказании» фигура находящегося в свите князя «некоего (так о нем говорится в «Сказании». – В. М.) гречанина именем Василия, мудра и знающа зело и ведающа чему и впредь быти».

С одной стороны, сообщение о национальности («гречанин») и греческое имя Василий говорят о том, что он христианин. С другой стороны, вызывает недоумение характер его пророческого истолкования видения о будущем граде. Логично было бы ожидать в его пророчестве слов о том, что в граде будут воздвигнуты Божий храмы, но этой детали в пророчестве нет, следовательно, толкователь видения вовсе не христианин.

Вызывает вопрос и образ зверя. Кто или что такое сам «превеликий, пречудный, троеглавый и красивый зверь»?

В легендах и сказках не редкость трехглавые змеи и драконы, а вот трехглавый зверь, к тому же и прекрасный (к змею такого эпитета никогда не прилагают), появляется только в Сказании об основании Москвы.

Однажды опытному художнику, много иллюстрировавшему произведения русского фольклора и истории, довелось делать рисунок к этому эпизоду Сказания о начале Москвы. Сначала он взял за образец традиционного трехглавого Змея-Горыныча и с него сделал набросок. Но, как ни поворачивал он своего змея, не мог добиться, чтобы он выглядел соответственно образу «Сказания»: превелик, удивителен и красив. Иллюстрацию художник все-таки сделал, но остался ею недоволен. «Вот если бы хоть какое-то изображение этого зверя было, – говорил он, – чтобы от него оттолкнуться фантазии, а его – увы! – нет».

И все-таки, оказывается, его изображение есть, наш далекий предок создал образ «пречудного зверя», этот образ сохранился в традиционном русском народном творчестве, его можно увидеть и, оттолкнувшись фантазией, представить его облик.

На Руси христианская обрядность вобрала в себя элементы старинных славянских верований и обрядов. На праздник Богоявления (Крещение Господне) 6 января (по старому стилю)

был обычай почитания «скотьего бога» Велеса – «освящение скотины». Хозяин в вывернутой мехом наружу шубе выводил скотину из хлева, кропил ее освященной водой, кормил хлебом, зерном, лепешками, оставшимися от рождественского стола. К этому празднику на Руси повсеместно пекли специальное обрядовое печенье в форме птиц-уточек, коровок, овец, лошадок и другой домашней живности, а также фантастических животных – «козулей». Все виды этого печенья называли общим названием «козули», поскольку в праздник «скотьего бога» Велес являлся в образе «козули», в других обстоятельствах он мог принимать другие облики.

«Козуля» представляла собой фантастическое четырехлапое животное. На его туловище с зашипанной гребешками теста, изображающими лохматость шкуры, была не одна, а три головы какого-то животного на длинных шеях. «Козуля» считалась своеобразным символом доброго пожелания как хозяевам, так и скотине.

На «козулю», по описанию «Сказания», и похож тот троеглавый зверь, который явился князю Даниле Ивановичу, по-видимому, это и был не кто иной, как сам Велес, явившийся в одном из своих образов.

В Иоакимовской летописи, названной так В.Н. Татищевым, потому что ее автором он считал новгородского архиепископа Иоакима, жившего в XI веке, рассказывается об обитавшем в Волхове в языческие времена «князе Волхова» (одна из форм имени Велеса – Влес, Волос, Волох), который мог «преобразовываться» в зверя: «Волхов бесогодный и чародей, лют в людех тогда бысть и бесовскими ухищрениями и мечты творя и преобразуяся во образ лютого зверя коркодела (крокодила. – В. М.)».

В болгарских святочных крестьянских празднествах-сурвакарах, отмечает академик Б.А. Рыбаков, сохранились элементы древнейшего обряда поклонения Велесу. «Звериные» маски участников празднеств изображают «преобразовавшегося» в зверя Велеса. Между прочим, некоторые болгарские маски очень похожи на головы русских «козуль». Другие участники изображают жрецов Велеса – на них пестрые одежды из лоскутов, на головах высокие и пышные украшения, на ремнях, надетых на шею, висят скотьи колокольцы, в руках – ярко-красные жезлы.

К Велесу древние славяне обращались с вопросами о будущем. «И вот брались за гадание Велесово, – написано во «Влесовой книге», – и все по нему сбывалось».

По древней славянской мифологии славянские князья, – как пишет исследователь «Велесовой книги» А. И. Асов, – вели свое происхождение от какого-либо бога, и прашуром Моска считался Велес.

Поэтому мудрый и ведающий, чему «впредь быти», гречанин Василий, по всей видимости, языческий волхв, служитель Велеса.

И тут-то мы подходим к разгадке намеков переписчика: он имел в виду, что в этом сказании о начале Москвы речь идет о дохристианских, языческих временах, о языческом волховании и о князе-язычнике. Почти наверняка переписчиком «Сказания» был священнослужитель. В конце сборника, содержащего в числе прочих произведений одно из сказаний о начале Москвы, имеется приписка составителя и переписчика: «Снискася и написася книга сия тщанием живущего за Яузою в Котельниках многогрешного иерея Николаевского Андреа Григориева сына». Забелин говорит, что переписчик мог быть и «досужим мирянином», но это тоже не снимало с него обязанности избегать описания языческих гаданий и вообще упоминать что-либо о язычестве, кроме как с разоблачением и хулением его.

Тогда еще действовал указ царя Михаила Федоровича, запрещающий на Москве по переулкам и улицам на Святки скоморошиться, в нем порицались те, кто на Богоявление «дару Божию хлебу поругаются, всяко животно скотское, зверино, и птичье пекут», а нарушителям запрета грозили «быти... в великой опале и в жестоком наказанье».

Приписка «правее всех сказаний» имеется на многих копиях, следовательно, о языческой основе этого «Сказания» знали или догадывались многие переписчики и многие читатели. В

наше время А.И. Асов увидел в князе Даниле Ивановиче князя Моска и написал об этом в очерке «Москва ведическая» (1999).

Можно предположить, что сказание о Крутицкой епархии в своей средней части с большой долей вероятности охраняло фрагмент очень древнего сказания языческих времен о приходе вятичей и основании ими Москвы. Видимо, к этому факту и относится замечание переписчика, что оно «правее всех сказаний».

Однако продолжим путь по Кулишкам.

«В том острову [князь Данило Иванович], – повествует «Сказание», – наехав посреде болота островец мал, а на нем поставлена хижина мала, а живет в ней пустынник Букал, а потому хижина именуется Букалова».

Болотистые Кулишки ближе к Яузе переходили в луговину, заливаемую половодьем. Планы и изображения той местности, даже относящиеся к XVII веку, показывают, что луг оставался незастроенным, в устье Яузы находились водяные мельницы, была оборудована пристань для судов, но жилые постройки начинались только на левом берегу, где был подъем на холм. Так что и хижина пустынника Букала могла стоять лишь за рекой.

Видимо, отдавая дань христианской традиции, переписчик старинного сказания назвал Букала пустынником, то есть как объясняет это слово толковый словарь, человеком, из религиозных соображений поселившимся в безлюдном месте и отказавшимся от общения с людьми. Однако имя «Букал» никак не подходит для пустынника.

Такого имени нет ни в христианских святцах, ни в гражданском перечне имен, ни в древнем славянском именослове. Значит, это прозвище. А, как известно, каждое прозвище имеет под собой основание, указывая на какую-либо примечательную черту человека. Распространенным поводом для образования прозвища человека является его профессиональная деятельность.

Каждая водяная мельница стоит на запруде, и та часть водного потока, которая находится под мельничным колесом и вращает его, называется букалищем. Букалище с его крутящейся водой считалось местом обитания водяного и чертей. В рукописи XVII века про него сказано, что оно «лукавых жилище» и что это общеизвестно: «И кто бо не весть бесов, в омутах и букалищах живущих?» Живущий при мельнице мельник должен был ладить с обитателями букалища, он заключал с ними договоры, приносил им жертвы, а при особо хороших отношениях дружил с ними и даже гостил у водяных. Наверное, мельник с мельницы на Яузе пользовался у окрестного населения славой если не колдуна, то человека, почерпнувшего в букалище кое-чего из чертовщины, оттого и прозванного Букалом.

Сведения о хижине Букаловой ограничиваются лишь сообщением о ее существовании и имени живущего в ней «пустынника».

На этом прерывается повествование об основании Москвы, и автор переходит к теме Крутицкого подворья. «И после того, – говорится в «Сказании», – князь великий Данило Иванович с тем же гречанином Василием спустя 4 дни наехав горы, а в горах тех стоит хижина мала, и в той хижине человек римлянин, имя ему Подон. И возлюбил князь великий место сие, и на том месте дом себе восхоте устроить.

Той же Подон исполнен духа святого и рече:

– Княже, не подобает ти zde вселиться, то есть место дом Божий, созиждут храм Божий и пребудут архиереи». И князь Данило Иванович отказался от мысли строить здесь город.

Обосновав пророчеством Подона отказ князя строить на Крутицах «себе дом», автор рассказа сообщает, что некоторое время спустя великий князь «предаде... область Крутицую... крутицким архиереям». Таким образом было подчеркнуто право архиереев владеть Крутицами и по божескому, и по княжескому определению.

Сказание же об основании Москвы завершается краткой справкой: «По сем же в 6-е лето великий князь Данило Иоаннович на хижине Букалове заложи град и нарекоша имя ему Москва».

Историки И.Е. Забелин и М.Н. Тихомиров путем логических рассуждений, опираясь на анализ историко-географической ситуации, заявили о своей уверенности в том, что при устье Яузы «от глубокой древности» существовал «первый поселок Москва» (И.Е. Забелин).

Тимофей Каменевич-Рвовский, автор Сказания о библейском Мосохе и его жене Кве, сообщает точное местоположение первопробытного городка: «...над превысоцей горе той, над устьей Явузы реки... идеже и днесь стоит на горе оной церковь каменная святого и великого мученика Никиты, бесов мучителя и от верных человеков тех прогонителя...»

Наверное, Каменевич-Рвовский знал какие-то предания о том, что именно там был поставлен город. Об этом имеется также и документальное свидетельство: в Губной записи 1486 года указывается, что церковь Никиты Мученика находится *на месте старого городища*.

Место при устье Яузы отвечало всем требованиям, предъявлявшимся для основания города, и традициям строительства славянских городов середины I тысячелетия н. э.

Из тогдашних восточнославянских городов наиболее известен и изучен Киев, и сравнение с ним вполне оправдано.

Основание Киева относится к рубежу V–VI веков. Город был поставлен на высоком берегу Днепра при впадении в него реки Почайны. На холме встала крепость, внутри нее были княжеские хоромы, жилье дружинников, бояр. Вне крепости, на горе, находилось капище с изображениями главных богов – Дажьбога, Перуна, Хорса, Мокоши и других, внизу холма, на подоле, – капище Велеса, слободы ремесленников и там же, отдельно, слобода, где останавливались гости-купцы.

Что же, как не Киев, могло послужить славянскому князю Мосху образцом при устройстве города.

И действительно, Москва на Яузе повторила градостроительную схему Киева. Над рекой, на холме, город; выше за городом – капище; на подоле, на лугу, – капище Велеса, и также за Яузой, немного выше по течению, слобода для приезжих гостей-купцов, до XIX века это место называлось Гостиной горой.

Выбор же поставить город на Яузе, а не на каком-либо другом притоке Москвы-реки определился тем, что Яуза была судоходной, являлась частью торгового пути с балтийского севера на восток – в волжский Булгар и далее – Персию. Она была соединительным звеном между Клязьмой и Москвой-рекой.

Существует несколько объяснений названия «Яуза», но наиболее убедительно происхождение от глагола «вязать, связывать». Забелин приводит ряд названий рек, которые происходят от этого же корня: Вязьма, Вязь, Ваза, Уза.

Город Моска, построенный по плану старого Киева, свое звание получил так же, как и Киев, – от имени своего основателя с прибавлением падежной флексии, означающей принадлежность, Кий – Киев, Мосх(к) – *Моск-ов*.

По городу вся территория расселения родов Моска получила название Московь, а текущая в ее пределах река стала называться *Москвой-рекой*.

Название города и территории в форме «Москов» и «Московь» продержалось до середины XII века. Об этом свидетельствует первое летописное упоминание Москвы в 1147 году: «Приди ко мне, брате, в Московь», сохранившее для истории первоначальное название Москвы.

Видимо, оно бытовало еще достаточно долго. Москвичей стали называть москвичами только в XIII веке, до этого их называли москвянянами; от старой формы названия образованы также наименования «москвиты», «Московия».

Если с XII века объяснение значения названия города Москвы заключалось в тайне названия реки, на которой он стоит: «и прозва его прозванием Москва-град по имени реки, текущая под ним», то теперь требуется объяснить значение имени вятического князя Моска.

Собственно говоря, языковеды давно уже включили название «Москва» в область значений древнего индоевропейского корня «москы», означающего влажность, сырость, жидкость, включая в число слов этого ряда и слово «мозг» с понятием *вещество, заполняющее череп*. В древнерусских текстах встречаются два написания этого слова: *мозгъ и мозкъ*. В устной речи слово «мозг» произносится как «моск».

В русском языке слово «мозг» может выступать синонимом понятия «ум», довольно часто об умном человеке говорят: «мозговитый».

О князе Моске во «Влесовой книге» говорится, что он «о единстве земли заботился, разум имел и о нас радел», был наделен «силою и мудростью».

А.И. Асов так объясняет значение имени «Моск»: «Имя это явно индоевропейское. Сие слово принадлежит к целому “кусту” слов, корень коих “мосх” или “моск” суть пособ произношения слова “мозг” со “мудрость” (ср. авестийское Ахура Мазда – Господь Мудрость). Сие имя могли принимать как священное вожди и князья, которые вставали во главе племенных союзов и почитались мудрейшими. Это – династийное имя».

Кроме поставленных в начале очерка вопросов, *когда и кем* была основана Москва и что значит слово «Москва», мы попутно вынуждены были поставить и решить еще один вопрос, который поначалу и не возникал: *где* была заложена Москва, потому что знали по летописи ее местоположение: «Князь великий Юрий Володимеричь заложи град Москву на устьи же Неглинны, выше реки Аузы». Слова «на устье реки Неглинной» точно определяют место построенного города, а вот дополнительная ссылка на Язу совершенно излишняя. Хотя, если летописец так написал, значит, вкладывал в свое сообщение какой-то определенный смысл.

За этими словами скрывается тот факт, что в это время еще стоял Москов на Язуе, и, хотя земля Московь уже входила в Суздальское княжество, Юрий Долгорукий не решился занять и перестроить древнее вятическое поселение, в котором жили его исконные обитатели. К тому же они тогда еще сохраняли свою языческую религию.

Юрий Долгорукий поступил здесь так же, как при основании в 1152 году города Переславля на Плещеевом озере. Хотя там уже существовал славянский (по мнению М.Н. Тихомирова) город Клещин, князь, как сказано в летописи, «град Переславль от Клещина перенес и созда больши старого, и церковь в нем постави камену святого Спаса». А от древнего Клещина до сих пор сохранились земляные валы укреплений.

Год основания Москов города Москов можно назвать почти точно. Поход византийского полководца Приска на славянские земли датируется 597–598 годами. В ряде списков «Сказания», «...кое правее всех...», указывается, что князь Данило Иванович заложил град Москов «на шестое лето». Таким образом, получается, что Москва была основана в 604 году.

И в нынешнем 2006 году она вступает в свой 1402-й год, то есть в пятнадцатый век своей жизни.

Яузские ворота и их окрестности

Живописность московских видов вошла в пословицу, которая утверждает: «Кто в Москве не бывал, красоты не видал». Многочисленные свидетельства тому содержатся в мемуарных и литературных произведениях отечественных и иностранных писателей и путешественников.

В 1817 году Н.М. Карамзин составляет «Записку о московских достопамятностях» «... для некоторой особы, ехавшей в Москву». Этой особой была императрица Мария Федоровна, вдова Павла I, почти не знавшая древней столицы. Карамзин, назвав главные исторические памятники Москвы, приводит перечень лучших видов города – из Кремля, с Воробьевых гор, от Симонова и других монастырей, которые, как он замечает, «...большую частью стоят на прекрасных местах». В московские путеводители XIX века часто включался отдельной главкой рекомендательный список «Лучшие виды Москвы», в 1836 году был издан даже специальный путеводитель «Панорамы Москвы и ее окрестностей в новейшем их виде и положении».

Время, конечно, изменяло облик города. Но, даже несмотря на варварскую реконструкцию, проводившуюся весь XX век и продолжающуюся в настоящее время, московские виды остаются одной из главных достопримечательностей города. В них наряду с историческими и архитектурными памятниками проявляется то своеобразие облика Москвы, которое позволяет ей занимать достойное место в ряду мировых исторических столиц.

Сохранились некоторые прежние виды на Москву – из Кремля и на Кремль, с Воробьевых гор и другие, открылись новые.

В конце сентября 2001 года на Общественном градостроительном совете Москвы было принято и утверждено мэром города Ю.М. Лужковым решение «о фиксации в качестве исторических» восьми панорам Москвы, то есть запрещении строительства, искажающего эти панорамы или закрывающего их обзор. В число первых заповедных панорам вошли: виды на Кремль с Большого Каменного и Москворецкого мостов и Софийской набережной, виды на Красную площадь от Исторического музея и от храма Василия Блаженного, виды на Театральную площадь – на Большой театр от Китайгородской стены и от Большого театра на Китайгородскую стену, а также вид *на площадь Яузских ворот*.

Современная площадь Яузских ворот в официальных городских справочниках имеет границы: «между Яузским бульваром, Яузской ул., Устьинским пр. и ул. Солянка». В натуре это прямоугольник московской земли размером приблизительно тридцать на двадцать метров, на котором когда-то стояли Яузские ворота Белого города, а сейчас проложены трамвайные рельсы. Это перекресток, по которому движется транспорт с Солянки к Яузскому мосту от Яузского бульвара на Устьинский мост.

По московской традиции название «Яузские ворота» шире, чем название площади, оно относится к тем старинным московским названиям, которые москвичи давали определенной местности, небольшому району – нескольким улицам, переулкам, объединявшимся вокруг какого-либо центра и составлявшим нечто вроде отдельной слободы. Иногда название было привязано к одной из улиц района, например, Пресня, Арбат, иногда это было название района без привязки к конкретной улице, например, Замоскворечье, Кулишки. К последнему виду относится и название «Яузские ворота». Его происхождение не таит в себе никаких загадок, оно известно с конца XVI века, когда были возведены крепостные стены Белого города по линии нынешнего бульварного кольца с воротами на основных улицах-дорогах, в том числе и на Яузской улице, по которой шла от Кремля дорога к Яузе. Ворота обычно получали названия по подходящим к ним дорогам и улицам, поэтому они получили название Яузских.

Двести лет спустя, в конце XVIII века, стены и ворота Белого города были снесены, а название осталось. Но за эти века оно обрело иное значение, чем просто название ворот, оно

стало названием окрестного района в границах, не совпадавших с полицейским административным делением города, но прочно укоренившихся среди москвичей.

В путеводителе по Москве «Москва. Подробная справочная книжка для приезжающих и живущих в столице», изданном в 1848 году, ее автор землемер М.Д. Рудольф о Яузских воротах дает такую справку: «*”Яузские ворота”* – название по реке Яузе. *Несуществующее место*».

К путеводителю прилагался план города, который, как на нем написано, «...с натурою соображал землемер М. Рудольф». Можно представить, как профессионального землемера, имеющего дело с конкретными участками земли со своими точными границами и наименованиями, раздражало название, всем известное, но которое никто *в натуре* не мог привязать к конкретной точке, и то, что спрошенный местный житель, указывая рукой в разные стороны – на Яузу, на Солянку, на окрестные переулки, уверенно утверждал: «Вот это и есть Яузские ворота».

В послереволюционные 20-е годы название «Яузские ворота» исчезает из справочников московских улиц на целые полвека. Случилось это из-за существовавшей в городской администрации тенденции избавляться от тех городских названий, по которым «нет прописки», то есть нет ни жилых домов, ни учреждений, адрес которых надо было бы указывать в официальных документах.

Перекресток Яузских ворот вернулся в справочники коло 1980 года, на этот раз как официальная площадь. Но даже несмотря на то, что сменилось два поколения, укоренившееся и, главное, практически нужное и употребляемое название «Яузские ворота» никогда не уходило из живой речи и сознания москвичей, так же как и представление о границах территории района, им обозначенного.

Старинные районы создавались не по воле администратора, а складывались благодаря своим внутренним связям. С самого своего основания Москва росла и расширяясь за счет окружавших ее сел и слобод, а известно, что в каждом селе, каждой слободе существовали свои внутрислободские, родственные, соседские, экономические связи, складывались свои обычаи и порядки, был свой церковный приход, свои лавки и базары. Входя в состав города, эти села и слободы сохраняли в какой-то мере особенности в характере населения, в быте, то есть «имели свое лицо».

Поэтому старинное московское название не только сохраняется в памяти москвичей как условное топографическое обозначение какой-либо определенной местности, но и включает и хранит в себе огромное множество связанных с этой местностью представлений, воспоминаний, чувств, мыслей, настроений, необъяснимо возникающих через века, подобно тому как имя человека, с которым когда-то довелось встретиться, вызывает представление о его внешнем и духовном облике. У старинных московских районов существует свой мифологический образ: образ Арбата, образ Замоскворечья, образ Марьиной рощи. Свой облик и характер имеют и Яузские ворота.

Как особенность сложившихся три-четыре столетия назад московских районов следует отметить, что их незримые границы настолько рациональны и естественны, в отличие от последующего районирования, что сохранились в подсознании жителей, несмотря на изменения, происходящие при развитии города и общественного быта.

Территория Яузских ворот включает в себя *Яузскую улицу, площадь Яузских ворот, устье Яузы, Яузский мост* и примыкающую к нему *часть Заяузья с Никольямской улицей, с переулками Таганского холма* – бывшей *Вишовой горки*. В XVII веке Яузская улица продолжалась до Таганской площади, и ворота Земляного города, находившиеся на ней, назывались Яузскими.

Одним из признаков этого территориального единства, наверное, может служить и то, что в предвоенные годы, когда в Москве существовали мальчишеские «дворовые» группировки, Яузские ворота на своей территории не знали межуличной вражды.

Наряду с территориальным единством старинные московские районы представляли собой и своеобразный градостроительный ансамбль, древнейшим зерном которого было село или слобода. Район Яузских ворот в основе своей возник и развивался как сочетание целого ряда тесно соседствующих слобод, в которых жили и трудились ремесленники – серебряники, котельники, гончары, кузнецы и люди других занятий и профессий, поэтому характерной чертой его облика всегда было различие в застройке и планировке отдельных частей района, причем различия не разрушали общего. Эту черту район сохраняет и в настоящее время. Нынешнее Постановление об охране исторической панорамы Яузских ворот отмечает, что здесь сложился интереснейший архитектурный ансамбль.

Со сквера, разбитого между Устьинской набережной Яузы и Устьинским проездом к Москве-реке, можно окинуть взглядом открывающуюся с него круговую историческую панораму Яузских ворот, ее разновековой ансамбль.

Начнем слева, с угла Солянки и Яузского бульвара. Тут стоит двухэтажный дом конца XVIII века, скромное благородство его облика свидетельствует о том, что строил его хороший архитектор. Это здание – одна из гостиниц, возведенных в конце XVIII века архитектором В.П. Стасовым у ворот Белого города. За гостиницей возвышается красно-белая церковь с колокольней – церковь Петра и Павла, что на Кулишках, построенная в 1700–1702 годах представляющая собой памятник московского барокко. Церковь хорошо видна: она высока и стоит на возвышенности, поэтому ее также называли «церковь Петра Павла Высокого» и «что у Яузских ворот на Горке».

Мимо углового дома Солянки на площадь Яузских ворот выходит проезд Яузского бульвара, на противоположном гостинице Стасова углу проезда начинается Яузскую улицу белоколонный двухэтажный дом, ладный и уютный, настоящий московский ампи́р пушкинской эпохи, в 1820—1830-е годы он принадлежал профессору Московского университета С.А. Смирнову. За ним виден верхний этаж особняка начала XX века, построенного в стиле модерн как фантазия на темы романского Средневековья. К ампи́рному дому с колоннадой вплотную примыкает каменная одноэтажная лавка постройки XVII века. Рядом с ней – выходящий фасадом на Яузскую улицу особняк XVIII века, некогда принадлежавший деду жены А.С. Пушкина Н.Н. Гончаровой – Афанасию Абрамовичу Гончарову.

Около дома Гончарова, на углу с Серебряническим переулком, поднимается бело-голубая, легкая и причудливая, построенная в 1781 году в стиле барокко церковь-колокольня Троицы Живоначальной, что в Старых Серебряниках – чудесное творение известного архитектора Карла Бланка.

Далее взгляд, скользнув по верхнему этажу полускрытого высоким парапетом моста двухэтажного купеческого дома первой половины XIX века, останавливается на Яузском мосту через Яузу.

За мостом Яузская улица круто поднимается вверх, на гору. Это один из тех семи холмов, на которых, по утверждению летописцев, стоит Москва, – *Красный холм*, его также называют Таганским, так как на его вершине находятся Таганская площадь и Таганские улицы.

Слева от моста, у подножия холма, унылое современное здание Библиотеки иностранной литературы, но взор на нем не фиксируется, потому что застройка поднимающегося холма представляет собой более живописное и разнообразное зрелище. По левой стороне улицы сквозь старые деревья просвечивает здание и флигеля дома-дворца конца XVIII века, ныне занятые Яузской больницей. По правой – за рядом домов почти на вершине холма виднеется изящная шатровая колоколенка XVII века церкви Никиты Мученика.

Правую часть панорамы Яузских ворот замыкает высотное здание – «высотка на Котельнической набережной». Как ни велико это здание, но все же не больше Красного холма, и, наверное, поэтому оно не выглядит здесь вызывающе инородным, но образует ансамбль с холмом и всем тем, что на нем находится.

Такова современная панорама Яузских ворот. Ее прелесть заключается в том, что здесь, на Яузской улице, сохранился в законченной целостности выразительный фрагмент Москвы XVIII – начала XIX века, Москвы Екатерининской, Павловской, Александра I, Москвы Карамзина и Пушкина, причем Москвы не парадной, не дворовой, не музейной, а живой. Особую остроту «пушкинскому» пейзажу придает фон из высоких зданий «сталинской» архитектуры.

Яузские ворота до определенного времени не входили в число популярных туристских маршрутов, обычно ориентирующихся на обозрение выдающихся и общеизвестных памятников архитектуры и истории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.